

1

Серая холодная пелена окутала небо, вязкой сыростью сковала липкий воздух. Наступила темнота.

«Не ходи за ворота», — он брёл по грязному городу, не разбирав дороги. Центр всегда развлекал его обилием вариантов. Только в этот раз хотелось взвыть от тоски. Мерзкое осеннее настроение продавило дно. Мысли цеплялись за последние клочки надежды, липкие хвосты выскальзывали из рук, он летел в чёрную дыру. Срывался с места, бросался в переулок, находил себя возле витрины ресторана. В меню сегодня сладкие парочки. Твикс, мужчины с Марса, женщины с Венеры. Они не знают, что такое дно. Они не видели глаза старости. Они моя зависть, моя гордость, моя печаль, моя совесть.

Он летел дальше в чёрную дыру. В свою квартирку на Ангарской. Где в кладовке давно уже припасена верёвка и мыло. Так, на всякий случай. Вдруг наскучит жить. С кем не бывает? Он бы хотел закончить жизнь весёлым и красивым, молодым и богатым. А закончит бедным и злым, больным и ужасным. В его страданиях нет чужих амбиций, он сам виноват, что остался один.

Так он думал, поглаживая верёвку в кладовке, прикидывая, как она ляжет в крюк на потолке, примеряясь, как лучше избавить себя от шансов на чудесное спасение. Вытянуть ножку к секции, вцепиться пальцами в крюк, достать припасённый нож из кармана — все девчата хороши, выбирай на вкус.

Голод вновь выгнал его на улицу. Моросящий дождь приятным покалыванием встретил возле перехода.

— Дождь, я тебя обожаю! — он вытянул руки в стороны, заставив парочку, стоявшую рядом под одним зонтом, испуганно шарахнуться в сторону. Задрав лицо к пепельному небу, он блаженно улыбался. Дождавшись красного, он не спеша отправился в опасный путь через четыре полосы. Но как назло пустынная дорога не предвещала надёжного избавления. Временная игра в кошки-мышки утомила невозможностью продолжения. Хоть и позабавила. Он искал пьяной поножовщины — геройской смерти в объятиях таинственной незнакомки, требующей спасения в этот час ночной.

Вместо поножовщины наткнулся на кинотеатр. Очередь в кассу выстроилась на двадцать человек.

«Что-то интересное дают», — мелькнула пьяная мысль. Он с шестнадцати лет не пил, как заблевал тогда чужой туалет, так и не пил.

Молодёжь вокруг временно вызвала в нём чувство паники. Обычно он сторонился Твиксов, Марсов и особенно Венер. Но сейчас он хотел заглянуть за кулисы, посмотреть, что же там такого вечного. Почему они всё время целуются и так счастливы? Ему хотелось приблизиться к людям, украсть их эмоции. Поэтому он решил выбрать самую красивую, самую влюблённую девушку и насладиться её счастьем. Просто смотреть на неё, думать о ней, представлять себя на её месте. Как она капризно отдаёт себя по частям: сначала ручку, потом щёчку, губки, наконец постель. Самый интересный момент, он бы не пропустил не единой секунды этого события. Бытия.

Глаза его блуждали по тусклому вестибюлю в поисках идеальной модели для фантазий. Он

совсем отчаялся, когда неожиданно в углу обнаружил высокую рыжую девушку в длинном бежевом плаще, чёрных сапожках на шпильке. Она стояла к нему широкой спиной, поначалу он даже не обратил на неё внимания, так как она была одна, а значит вряд ли подходила для активных фантазий. Наконец, когда она повернулась, его интерес к ней проснулся с новой силой. Это была влюблённая красотка, хоть и большая. Во всех отношениях обозначившая своё состояние горящим таинственным взглядом. Такие взгляды всегда обозначают только одно: девочка ещё не трахалась и вот-вот начнёт делать это с завидным постоянством. Как только секс состоится, её взгляд потеряет немаловажное свойство — голод. Она очнётся сытой, прилепится и будет жить после этого момента ожиданием следующей кормёжки. Но это будет уже другой голод, другая романтики, без тайны, без неизвестности. Она будет выглядеть чуточку подуставшей, местами недотраханной, притворно недовольной. Всякие отношения начинаются с девственного взгляда влюблённости. Потом — только голод.

«Где же её трахарь?» — он озабоченно повёл взглядом по вестибюлю в поисках мачо. Для такой красотки подошёл бы жгучий засранец, здоровяк с зачёсанными назад, прилизанными гелем чёрными волосами. Со статной фигурой, резким упрямым взглядом, сверлящим девицу до смазки в промежности.

«Этакий танцор без яиц», — заключил он про себя.

Но этот нахал не изволил явиться, и, похоже, девушка с пышной копной рыжих волос нисколько не волновалась. Она с любопытством покачивалась на шпильках, стреляла глазками, возвращала ему неловкие попытки подсмотреть за ней.

Сбитый с толку, он поспешил заскочить в зал и зашиться в предпоследнем ряду. Место он выбрал идеальное для осмотра зоны действий. Его интересовали поцелуи, объятия, прикосновения — любые нежные проявления любви, всё, чему можно верить. Именно так он себя чувствует, когда парень прикасается к девушке, смотрит на неё влюблёнными глазами. Именно так он плавится под его взглядом.

— Здесь свободно? — высокая красотка в плаще и сапожках на шпильке бесшумно прокралась по последнему ряду, наклонилась и, положив алый маникюрчик на спинку соседнего с ним места, вызвала в нём бурю негодования.

— Здесь занято.

— А здесь? — она, улыбаясь, переместила ручку на место, свободное с другой стороны.

— Вы же видите, я выкупил три ряда, чтобы мне никто не мешал.

Как бы он хотел, чтобы кто-нибудь трахнул эту дурёху поскорее. Желательно жёстко и болезненно. Можно без любви и можно целым стадом.

— Если покажите билеты, тогда поверю, — не унималась красотка, коварно облизывая губы. Он косился на неё всё это время.

— Может, вам ещё паспорт показать?

— А покажите! — она засмеялась.

Он достал паспорт из кармана на груди и сунул его под нос барышне.

Та захихикала, взяла паспорт и, усевшись позади, начала листать его, озвучивая мысли вслух.

— Так вы не женаты? А девушка у вас есть? — заключила она.

«Сил моих нету!» — он сморщился, как от зубной боли. Наглая рожа не унималась. Лезла на рожон, хоть плачь.

— Девушки у меня нет. Я голубой, — про себя он вздохнул с облегчением, представляя, что теперь рыжая отстанет.

— Так значит мне можно вас не бояться? — она, хохотнув, перелезла через ряд и грохнулась рядом без разрешения. Уверенно закинула ногу за ногу, оголив толстые икры, обтянутые сапогами. Чёрная юбка до колен вылезла из-под плаща, небольшой разрез приоткрыл бедро. Он нервно пощёлкал пальцами. Свет ещё не погас, перспектива сидеть с этой барышней весь сеанс его совсем не прельщала.

— Что вы хотите? — буркнул он.

— Пообщаться.

— Я не люблю общаться с незнакомыми людьми.

— Так давайте познакомимся.

— Я не хочу с вами знакомиться.

— Вы даже не хотите узнать, что у нас общего?

Он помолчал.

— Ну хорошо. Давайте, вы скажете, что у нас общего, а потом пересядете.

— А вы угадайте.

Он глубоко вздохнул, задумался, а не пересесть ли ему самому. Глаза начали подыскивать свободное местечко где-нибудь впереди.

— Вы — лезбиянка.

Она заржала как лошадка. Нежной хрипцой.

— А вот и нет. А вот и не угадали! Имя у нас с вами общее.

Он посмотрел на неё презрительно. Ухмыляясь, оценил её умственный потенциал.

«Всё-таки надо валить с этого ряда», — решил он, окончательно утвердившись в выборе следующей локации.

— Не верите? — девушка задорно развалила ляжки ещё шире, съехав по креслу. — Вот смотрите.

Она достала из сумочки паспорт в рубиновой обложке и протянула ему.

Он быстро развернул последнюю страницу, замер на рыжей роже, лыбящейся даже на фотографии, удивлённо провёл глазами по незамысловатым печатным буквам, выведенным в латинской и русской раскладочке:

«Степанида Маргарита Ивановна»

2

«Ну и что, что Степанида?» — Стёпа нервно сжимал кулаки в карманах. По дороге домой он начал пинать всё подряд. Дошло до того, что, остановившись возле фонарного столба, он решил испытать его на прочность. Теперь он хромал. Правая нога приятно ныла в голени, он и раньше любил боль. Она отвлекала, развлекала, она успокаивала, как заботливая нянька. Она напоминала, что есть грань между жизнью и смертью. Он любил боль. Воспрянув духом, он нагло перешёл четырёхполоску по диагонали. Одинокий водитель даже не посигналил: сбив ход, вежливо объехал, как будто выражая солидарность с невозможностью быстрого разрешения, с необходимостью скорейшего избавления.

Зарывшись в конуру, Стёпа уснул мёртвым сном.

На следующее утро пришло прозрение. Так всегда бывает после невыносимого дня одиночества. Жизнь немного осветилась красками. Он позавтракал, насиживая, пока готовил яичницу. Включил телевизор, чтобы не отставать от жизни. Работы у него не было, Стёпа рано ушёл на пенсию. У военных выхлоп короткий. За выслугу лет насыпали довольствие.

Вышел на улицу, чтобы порадоваться свежим порывам ветра, разгонявшим тучи на небе. С удивлением вспомнил, как дурной сон, рыжуху. Усмехнулся странному совпадению.

Он прожил следующие четыре дня в полной отключке от реальности. Так живут люди, у которых нет цели в жизни, которые, как комнатные растения, дряхлеют в узком горшке, уже даже не надеясь, когда-нибудь пересесть в дивный сад.

К концу недели небо вновь заволокло тучами. Они устремились с севера, неся с собой жуткий холод. Опять он почувствовал шершавый язык верёвки в руке, опять распознал в тенях за окном ведьму, зависшую на метле. Огромный паук проскользнул по стене, или ему показалось. Он дрожал от ужаса, зарываясь с головой под одеяло. Он боялся пошевельнуться, дыхнуть, чтобы не привлечь внимание паука с ядовитой клешнёй вместо рта. Эта клешня воньётся в горло, вприснет яд. Потом чудовище опутает его верёвкой, лежащей в кладовке, высосет из него всю кровь, повесит к потолку вверх тормашками. Потом начнёт срывать с него ленты кожи.

Так он думал, прячась под одеялом от паука.

Неожиданно в дверь позвонили. И что-то радостное ёкнуло в сердце. Стёпа очнулся от вечернего сумрачного ужаса, подскочил и побежал открывать дверь.

На пороге стояла рыжая.

Он протирал глаза, пялился на неё. Она была в том же плаще и сапожках. Та же красная сумочка болталась на плече. То же румяное лицико с ярко напомаженными губами светилось влюблённым взглядом.

— Можно войти? — спросила Степанида.

— Зачем? — он настороженно подсматривал в её глаза, пытаясь угадать намерения.

Она наклонилась и прошмыгнула под рукой.

Цокая копытцами прошла по тёмному коридору, зашла в зал и шлёпнулась на диван.

Аккуратно прикрыв входную дверь, чтобы не хлопать, он последовал за ней. щёлкала каналы на телевизоре. 3

Когда Степанида неожиданно ушла, он остался лежать со спущенными штанами, с дикой болью между ног, в анусе. Его истерзанная мошонка гудела, как улей. Анус, казалось, кровоточил. Степан подтянул джинсы, выключил телевизор, свет и рухнул на диван, обессиливший. Он тут же забылся диким сном.

Снилось ему, как лежит он на nudistском пляже абсолютно голый, на животе. Мимо проходят девушки в сапогах, тоже голые. Они присматриваются к нему, иногда подходят и всаживают шпильку в анус, пяткой вдавливая острый штык до конца.

Под утро он резко подскочил от того, что левая рука полностью умерла. Казалось, пережатая во сне, она омертвела. Он лихорадочно начал растирать её, призывая кровь вернуться в вены. Постепенно пришла чувствительность. Он лёг на спину и долго не мог заснуть, боясь неправильно прижать руку во сне.

Наконец он забылся тяжёлым сном и проснулся только к полудню следующего дня. На улице ярко светило солнце, вновь распогодилось, и морозное дыхание осени временно остановило болезненное течение пепельного неба. Степан почувствовал облегчение, вчерашнее унижение не вызвало противоречий. Наоборот, он думал, что в следующий раз надо быть более осторожным. Внимательно относиться к звонкам в дверь, чтобы случайно не впустить насильника.

«С кем не бывает?» — думал он, тщательно пережёвывая мясо за обедом.

Ближе к вечеру он отправился гулять. Сумерки всегда пугали его тенями за окном. Ведьма на метле, паук караулили на карнизе. Стоит только выглянуть, как они тут же накинутся на него и утащат.

Он нашёл укромное местечко на набережной. Разболелась голова. Шпилька в анусе — ничто по сравнению с невыносимой занозой под глазом. Он сконцентрировал мысль на занозе. Обсасывал её, вонзal глубже. Вот она, приятно покалывает. Эта боль похожа на оргазм, если задуматься: такая же неизбежная, дразнящая приближением развязки.

Рядом остановилась молодая парочка, и он, затаив дыхание, переключился на девушку. Она была сексуальна — похожа на лисичку. Сапожки, пальтишко с рыжими оборками, колготы, блестящие в темноте. Даже лицо имело продолговатую форму мордочки. А как она целовалась, эта крашеная блондиночка. Как будто раздавала воздушные поцелуи. Легко наклоняла головку, улыбаясь, уступала напору. Руки её неловко находили талию партнёра. Она отдавалась по частям. Возможно, впервые.

Стёпа, стоя рядом, уже находился в её теле. Он садился попой на парапет, раздвигал ножки, подставлял текущее влагалище под твёрдый член мальчика. Он чувствовал проникновение чужой головки, глубокое погружение. Его прибивали лобком к бетонному ограждению. Он сидел, по-женски развалив ляжки. Из его задницы выколачивали дух. Кончали в него или на него. Или в рот. Он чувствовал себя в законном праве попросить ещё. Отсосать, чтобы у парня встал для нового соития. И второй раз будет дольше, намного дольше. Она встанет перед ним раком, чтобы тот мог ухватиться за бёдра и трахать её, закинув пальтишко на талию, приспустив юбочку, колготки и трусики, самостоятельно контролируя скорость, оттягивая приближением оргазма, выбивая из неё пошлые желания открыто заниматься сексом на набережной. А когда парень устанет, она не против пошалить ещё, дождаться группы молодых людей, которые по очереди спрятят нужду, заметив горячее влагалище. Её горячее влагалище, гладко выбритое, двумя апельсиновыми дольками скрывающее в себе удовольствие. Она — дырка, а он — это она.

Закончилось представление, парочка ушла гулять, и вновь заноза под глазом напомнила о себе. Стёпа постучал тыльной стороной ладони в бровь и быстро зашагал в сторону проспекта. Он вновь попытался развлечь себя ударами в железяки: мусорные ящики, лавочки, толстые стволы деревьев, но боль в ноге не спешила выдавливать занозу из головы. Впрочем, неожиданно он остановился и замер так, сжав кулаки в карманах, ссутулившись, разглядывая отблески жёлтых фонарей на асфальте. Медленно повернулся лицом к проспекту, где сплошной поток автомобилей двигался, как вяло текущая река. Обернулся: люди, идущие по тротуару, выглядели так же потерянно, как и он. Такие же зомби, бесцельно бредущие куда-то. Он вдруг почувствовал, что он — это не он. Что не он стоит посреди проспекта, не здесь и не сейчас. Это не его тело, у него нет тела. Его дух летает высоко в воздухе, смотрит на тело сверху, удивляется, как тело реагирует на команды. Вот тело достаёт руки из карманов, смотрит на ладони, щупает их, как будто пытается вернуть дух назад в тело.

Так Стёпа стоял минут пять, охваченный паникой. Нереальность происходящего с ним пугала и в то же время вдохновляла на необычные идеи.

«Если я — это не я, а всего лишь тело, значит я могу приказать телу совершить всё, что угодно. Значит я могу выбрать другое тело. Или не могу?» — до сих пор дух Степана безошибочно находил свой сосуд. Лишь мотивированным усилием воли мог он стать девушкой, находящейся рядом. И то, лишь на некоторое время, и он мог только войти в неё,

но никак не отдавать приказы.

Такое положение духа, запертого в одном сосуде, вызвало новый приступ головной боли. Гонимый занозой под глазом, Стёпа устремился на знакомую узкую улочку, проходящую параллельно проспекту. Здесь всегда было тихо и печально, темно и уютно. Пивной бар, расположенный в подвальном этаже, притянул его приятной живой музыкой, льющейся изнутри. Он затесался в угол, долго выбирал в меню недорогой салат, наконец оставил попытки выглядеть подобающе в глазах молодых людей, сидевших по соседству. Они шумно общались, бросали на него любопытные взгляды. Вид него был, мягко говоря, потрёпанный. Он и сам понимал, что запустил себя, но делать что-либо с этим, особенно учитывая обстоятельства верёвки, ведьмы и паука, решительно не хотелось.

Он приняллся механически жевать салат, поглядывая по сторонам. Живая музыка исходила от скрипки, флейты и виолончели в руках молодых исполнителей. Они стояли, примостившись в углу на небольшом возвышении, нарядные, радостные. Два парня и девушка в белых народных костюмах играли очень хорошо. Невольно он залюбовался ими, забыл про занозу. Девушка со свистком флейты во рту не вызвала пошлых мыслей, как обычно. Наоборот, он отгонял любые попытки опошлить её непорочность. Она олицетворяла всё самое чистое и прекрасное, что ещё осталось. Она создавала красоту. Он любовался ей, впервые за много лет погрузившись в мир музыки.

А ведь когда-то музыка была его любимым занятием. Он отлично играл на фортепьяно. Он сам становился музыкой.

Заплатив по счёту, он вышел на морозный воздух. Наступила темнота, сумерки уступили место звёздам и луне. Ясное ночное небо вдохновляло на полёт мысли. Он полетел по грязным улицам к себе домой, и они уже не казались ему такими грязными.

4

Степан подходил к дому с опаской. Рыжая могла прятаться за подъездом, в подъезде, на лестничной клетке. Он думал о том, как лучше избавиться от неё, и не находил ответа. Она может снова заскочить в квартиру, начать истязать его. Он приготовился к худшему и вздохнул с облегчением, только когда захлопнул дверь на засов.

Пройдя по коридору, он зашёл в ванную, умылся, подстриг ногти, побрился. Музыка в голове продолжала играть. Возвращаясь на кухню, он замер в ужасе напротив двери зала. Огромные тени за матовым стеклом расползались по потолку, сходились на двери. Что-то мерзкое копошилось возле дивана, вило сеть, чтобы подвесить жертву к потолку. Холодный озноб пронзил Стёпу. Он кинулся на кухню, где, включив свет, пришёл в ещё большее замешательство.

В любимом кресле у окна, напротив холодильника, сидела она — Степанида. В кожаном обтягивающем комбинезоне, чёрном, как смола, в сапогах на шпильке, железных браслетах с шипами на запястьях и шее, в стрэпоне, пристёгнутом к лобку, торчащем, как кол из кресла. Она презрительно ухмылялась, поигрывая хлыстиком. Руки её были заключены в такие тонкие чёрные перчатки.

— Ку-ку! — её правая бровь взлетела, большая девочка в костюме мотоциclistки нагловато сверлила его искрящимися зелёными глазами. — Как ты сюда попала? — Стёпа высчитывал пути отступления. Можно ещё выскочить из квартиры и погулять ночью по городу. Потом спать где-нибудь на вокзале в зале ожидания.

— Ключи. Забыл? — она достала связку ключей из кармашка на поясе и покрутила на

пальчике. На её лице застыла плутовская улыбка стервы.

— Дай сюда, — он решительно протянул руку. Это были запасные ключи, которые он хранил в секции.

— А попросить вежливо? — вытянула большая девочка.

Он вздохнул, смягчился.

— Хорошо, дай, пожалуйста, — неуверенно пробормотал он.

— На колени, — она буравила его непроницаемым властным взглядом, не терпящим возражений.

Стёпа нервно переступал с ноги на ногу, отчаянно борясь с соблазном опуститься на пол.

— Быстро, на колени, я сказала! — заорала она на него, сменив улыбку на искажённую злой гримасой.

И он рухнул ниц, как будто и не было в нём коленей. Только пресмыкающееся жалкое подобие таракана выползло на кухонный стол.

— Лизать, — свирепо прошипела рыжая, выставив носок сапога.

Он полностью погрузил кончик в рот, обсасывая сапог с подошвой.

— Вот так, — она водила ногой, заставляя Стёпу следовать за носком. — Теперь член.

Широко раздвинув колени, Степанида села на край кресла и выставила тридцатисантиметрового монстра на полную длину. Стёпа приблизился и тут же был притянут за шкирку к члену. Она схватила его за уши, насадила голову на член, дёрнула изо всех сил так, что он глубоко глотнул. Головка монстра упёрлась в горловую щель. Степанида насиловала его, притягивая за уши, вырывая их с корнями. Он болезненно стонал, но продолжал давиться, пытаясь заглотить член полностью. Её рука переместилась на голову. Теперь она рвала волосы, одновременно свободной рукой хлестала по попе.

— Штаны снял, — возбуждённо скомандовала Степанида.

Он тут же стянул с себя джинсы с трусами, оголив волосатый жирный зад. Она продолжила хлестать его по бледной коже, каждым ударом причиняя острую обжигающую боль.

Стёпа сосал, приспособившись терпеть. Боль в горле стала тупой, он больше не чувствовал долбёжки. Зато задница горела адским пламенем.

Оторвав Стёпу от паха, рыжая встала и зашла сзади.

— Яйца как у кота, — хмыкнула она.

В следующий момент Стёпа почувствовал, как кожаная рука схватила его за пенис с мошонкой, пережала в корне. Тонкая удавка из шнурка взлетела к месту сжатия и стянула причиндалы до отказа. Они остались висеть под пахом, теряя чувствительность.

Он замычал, захныкал. Паника охватила его, он вспомнил руку, умершую ночью, пережатую во сне.

— Ты — дырка! — Степанида схватила его за волосы со спины, потянула изо всех сил вверх, заставив его выгнуть шею. — Ты — дырка! — свирепо повторила она, вгоняя толстый член в зад.

Она расколола Стёпу на две половинки. Полностью ушла в него, достав до сердца. Он терял контроль над мыслями, они панически разбегались по углам, пытаясь выманить дух из тела. Девушка в коже активно трахала Стёпу, агрессивно вколачивая член, приседая над ним, вцепившись в бёдра, нещадно пробивая путь к сердцу мужчины.

«Путь к сердцу мужчины лежит через желудок», — простонала мыслишка на задворках сознания.

Шнурок резко дёрнули, его яйца ожили новым букетом ощущений. Они ещё жили, понимали, что их хотят оторвать.

Степанида работала бёдрами как ненормальная. Столько энергии было в этой девице. Она положительно вознамерилась затрахать Стёпу до обморока. Её движения стали мужскими. Она как будто хотела кончить: стонала и кряхтела, по мужски вцепившись в мягкий зад.

— Сука! — ругалась она, гоняя все тридцать сантиметров рифлёного пластика в разбитом анусе. — Зачем тебе яйца, а?

Он не знал зачем. Действительно, в этот момент он чувствовал себя дыркой, которая теряет сознание.

Очнулся он под утро от ужасной боли в паузе. Пережатые яички онемели, стали синими, почти чёрными. Пенис превратился в такой же чёрный обрубок. Стёпа лихорадочно принял растирать гениталии, призывая их к чувству. Только спустя пару дней он смог безболезненно помочиться.

5

Мысль о том, что Степанида завладела ключами от квартиры, не давала покоя. Несколько дней Стёпа тревожно прислушивался к каждому шороху. Наконец, не выдержав, он выскочил на улицу, добежал до магазина и купил новый замок.

Вечером, немного успокоившись после смены замка, он принял наводить порядок в голове. Дело в том, что эта осень сильно отличалась от предыдущих. Жизнь неожиданно полетела под откос, тревожное ожидание конца превратилось в пытку. Верёвка в кладовке свилась в петлю, свежее пахучее мыло получило прописку в коробке, лежавшей рядом. Стёпа сильно исхудал, он почти ничего не ел, плохо спал.

Смена замка принесла лишь временное успокоение. К ночи страх неожиданного вторжения завладел разумом. Стёпа забрался под одеяло, боясь пошевелиться. Он вздрагивал при каждом звуке, доносившемся с улицы. То ли сосед хлопнет дверью, то ли раздастся женский крик снизу — он ловил малейшее колебание воздуха. Кроме того, он начал подозревать, что Степанида оставила в квартире жучок, чтобы подслушивать и подсматривать за ним.

Вооружившись фонариком, он полез на антресоль, разложил старые военные фотографии на полу, проверяя всё ли на месте. Одной фотографии — особенно дорогой ему по причине интимной — не было на месте. Он везде обыскался и заключил в итоге, что фотографию забрала Степанида.

От горя он готов был расплакаться. Теперь эта стерва будет шантажировать его. Приходить и насиловать в обмен на обещание вернуть фотографию. Как же так случилось, что он попал в рабство к озабоченной бабе?

В голове созревал план побега. Он уедет далеко, не оставив следов. Он даже сам не знает, куда отправится. Просто сядет на поезд и растворится где-нибудь в сельской местности. Найдёт угол, откроет сапожную мастерскую. Он оставит это место с ведьмами и пауками, с рыжей бабой — занозой в башке и заднице. Он вылетит из тела и приземлится в другом месте, в другой оболочке.

Так он думал, пугая себя неизвестностью. Неожиданно раздался звонок. Степан подошёл к двери и с замиранием сердца приник к глазку. В коридоре перед дверью стояла Степанида с чемоданом в руке. Она зажала звонок, отпустила на секунду и, приблизившись лицом к замку, грубо за орала в щель:

— Дырка, я пришла. Молочка принесла! — она заржала, сделала шаг назад и, распахнув

плащ, обнажила пах с железной эрекцией. — Дырочка, ты где? — она опять припала губами к щели.

Стёпа похолодел. Чемодан в руках рыжей ведьмы не предвещал ничего хорошего. Он кинулся по коридору от двери, спрятался в комнате и заткнул уши пальцами, чтобы не слышать звона. Пронзительная трель сводила с ума, рвала на части. Стёпа готов был выпрыгнуть из окна, и только боязнь высоты удерживала его от опрометчивого поступка. Неожиданно он увидел тень паука, ползущего по батареи.

— А-а-а! — заорал он и выскочил из комнаты. Паника гнала его из дома. Обезумев от ужаса, он замкнулся на кухне. Дрожа всем телом, спрятался под стол.

Звон оборвался, оставив звенящую тишину в квартире. Стёпа закрыл глаза, чтобы не видеть приближения паука. Когда ужасное чудовище схватит его за шею, всё будет кончено.

— Дырочка! — услышал он над самым ухом.

Открыв глаза, изумлённо пялился он на Степаниду, которая сидела перед ним на стуле, довольно закинув ногу за ногу, поигрывая острым носочком, готовым для новых опытов.

— Как... как ты здесь оказалась? — пролепетал он, хлопая глазами.

— Дверь была открыта, — рыжая окинула его снисходительным взглядом.

«Не может быть! Не может быть!» — Стёпа вспомнил, что действительно забыл замкнуть дверь, когда ходил выбрасывать мусор.

— Смотри, что я тебе принесла, — Степанида щёлкнула защёлками чемоданчика. Открыв крышку, она вытянула из чемодана короткую женскую юбку, чулки-сеточки, туфельки на шпильке, блузку. — Одевайся. Я пока схожу руки помою, — бросила она Стёпе, выходя с кухни. Он остался наедине с женским барахлом, лежащим на полу. Медленно взял в руки белую юбку-колокольчик со широкими складками, так же медленно стянул с себя джинсы, трусы, носки. Обречённо натягивал юбку, чулки, блузку. Примерил туфли — они оказались в самый раз. На дне чемодана лежал косметический набор. Он взял его в руки, открыл. Зеркальце открыло печальное зрелище. На его пепельном лице не было места женским хитростям. Тем не менее, он накрасил губы, как мог, тушью подкрасил ресницы, наложил тени под глазами. В чемодане лежал парик. Сразу незамеченный, теперь он нашёл своё место на голове. Усталый обречённый взгляд напомаженной румянной полновозрастной красавицы обречённо уставился на Стёпу из зеркальца. Он только хотел выдавить из себя улыбочку, как послышались шаги.

Степанида вошла в коже со вздыбленным членом между ног. Она сразу приняла стойку, заметив сочную тёлку. В руках она держала садовые ножницы.

— Давай сюда яйца, — приказала она, щёлкнув острыми скрещенными ножами.

Стёпа похолодел, внутри него страх достиг точки кипения. Он метнулся мимо рыжей, выскочил из кухни и рванул за дверь. Он скатился по лестнице на первый этаж, не осознавая логичности поступков, кинулся в первую дверь, где по доброй памяти жил сосед, с которым он изредка перекидывался парой фраз.

Зажав звонок, он начал истерично тарабанить в дверь руками и ногами.

— Помогите, — кричал он, нервное потрясение только настигло реальность. Он валялся на дверь, дёргал ручку, пытаясь вырвать её с корнем. Вновь прислушивался к звукам за дверью.

— Кто там? — услышал он недовольный знакомый голос соседа.

— Дима, это я, Стёпа. Открой, пожалуйста, — взмолился он.

Замок щёлкнул, и в следующий миг Стёпа залетел в коридорчик, притянув за собой дверь.

Обезумев, он кинулся замыкать все замки, проворачивать засовы, вглядываться в глазок, тревожно прислушиваться — нет ли погони?

— Ни хрена себе, — Дима удивлённо уставился на него. Его брови взлетели, глаза выкатились. Он рассматривал сексуальный наряд тёлки. — М-да... — протянул он, смущённо сделав шаг назад.

— Слушай, я тебе сейчас такое расскажу, — начал Стёпа, задыхаясь от нервного потрясения.

— Ты только не удивляйся, что я так выгляжу.

— Да я чего, — Дима заулыбался, глаз его невольно подмигнул. — Мне всё равно по большому счёту.

— Ты не думай, что я сам надел женскую одежду. Меня заставили! — выпалил Стёпа.

— Вот как? — недоверчиво произнёс Дима, продолжая глупо улыбаться.

— Ага! Она сейчас сидит у меня в квартире. Ты не мог бы сходить и выгнать её? — Стёпа с мольбой посмотрел на товарища.

— Хм... — задумался Дима. — Давай лучше вместе сходим.

— Нет, я не могу. То есть, могу, конечно. Но она хочет отрезать мне яйца.

Дима прижал кулак ко рту и отвернулся. Он затрясся и некоторое время отсутствовал, приводя настроение в боевой порядок.

— Ну хорошо. Давай я схожу, а ты сиди здесь, никуда не уходи.

Стёпа уселся на стул, стоявший в коридоре. В груди сбивчиво тарахтело сердце, в голове гудели пчёлы, занозы кололи тысячами иголок. Их была дюжина по всему телу: в желудке слева, в печени справа, в коленке правой, под глазом левым, в пояснице и особенно в сердце. Одна заноза, только одна, — она гуляла по всему телу, периодически проявляя себя в разных знакомых местах.

Дима наконец вернулся, и Стёпа с надеждой встрепенулся навстречу товарищу.

— Там никого нет, — с улыбкой развёл руками сосед.

— Совсем никого? — Стёпа даже не сомневался, что Степанида спряталась.

— Совсем.

— А что-нибудь необычное ты заметил? — с надеждой спросил Стёпа.

— Необычное? — Дима опять схватился за кулак и вышел из строя на десять секунд.

Раскрасневшись, он вернулся к разговору: — Ну, член там есть, к батарее прилеплен.

Ножницы на полу валяются. А так в принципе ничего необычного, — он опять скривился, сдерживая порыв дикого смеха.

«Что же мне делать?» — сокрушённо заламывал пальцы Стёпа, кидаясь в намерениях из стороны в сторону.

— Да не стесняйся... — начал Дима, опять весело подмигивая. — Заходи, поговорим, если что. Стёпа поплёлся к лифту. Чувствуя приближение развязки, поднялся на лифте на свой этаж. Понурив голову, как на эшафот, вошёл в распахнутые двери квартиры. Всё по-старому лежало на своих местах. Искусственный член, прилепленный к батарее, торчал на всю кухню. Ножницы садовые валялись тут же. Тихое забвение окутало квартиру. В наступившей тишине, часы пробили полночь.

Усевшись голой попой на холодный линолеум, прислонившись спиной к холодильнику, он вытянул ноги и закрыл глаза. В голове успокоение сменилось лёгким чувством тревоги. Как будто где-то что-то скреблось. То ли паук ползёт из зала, то ли ведьма подсматривает из окна, ждёт, когда он откроет глаза.

В голове воронка хаоса медленно разверзлась в чёрный стержень, тот вытянулся в торнадо и втянул остатки понимания.

Что-то звякнуло перед самым носом. Металлический запах холодного железа ударил в ноздри.

— Дырочка! — услышал он знакомое шипение над самым ухом.

Медленно подняв веки, с неотвратимым ужасом созерцал зелёные глаза рыжей ведьмы, кружавшиеся над ним в диком танце неизбежной кастрации.